

ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТСЯ С УТРА

«Белый пароход», «Ранние журавли», «Шегий пес, бегущий краем моря». Три эти повести Чингиза Айтматова появились друг за другом. Невольно задумываешься над тем, что у Айтматова, которого никак не назовешь детским писателем, почти все написанное за последние семь-восемь лет — о детях.

Трудно объяснить это просто случайностью. Айтматов ведь не так уж много в общем-то пишет. И можно при внимательном взгляде на созданное им обнаружить нечто вроде циклов в его творчестве. Есть, видимо, глубокая внутренняя логика в том, что, проследив в таких произведениях, как «Первый учитель», «Прощай, Гюльсары», судьбы людей, подошедших к критическому рубежу человеческого бытия, Айтматов обратился к утру человеческой жизни, к той ее поре, когда человек еще только начинается.

...Герои «Ранних журавлей» возвращают нас к юности самого писателя, ибо и по возрасту, и по рождению он вполне мог бы быть в рядах участников «аксайского десанта».

Начиная читать почти каждую новую повесть Айтматова и уже попав во власть исходящего от нее обаяния, как-то время тем не менее не можешь ответить себе на вопрос — а что же произойдет на ее страницах дальше, куда клонится действие. Когда же решающее событие грянет, и, как правило, именно на последних нескольких страницах, кажется, что оно и только оно составляет ткань произведения.

Не будучи случайной, эта «типичная конструкция» отнюдь не является шаблонной. Течение действия в «Ранних журавлях» как бы повторяет, воспроизводит ритм и динамику самой жизни обитателей далеких и невеликих горных киргизских айлов. Неторопливость, размеренность слов и действий у них — не от лени и не от изнеженности. Здесь,

в горах Тянь-Шаня, все продиктовано условиями жизни, суровостью природы, недоступностью горных вершин, мудро зовущих человека поспешать медленно, но быть готовым к любой неожиданности.

Люди здесь не могли бы оставаться людьми, если бы мысль о грозящих неожиданностях и опасностях сидела бы ежечасно и ежеминутно занозой у них в мозгу. Но они и не были бы детьми своей земли, своего народа, если бы не готовили себя с детства к суровым испытаниям, которые каждого ожидают в жизни — раньше или позже... К Султанмурату, юному герою «Ранних журавлей», они пришли в его пятнадцатый лет, почти еще в мальчишеском возрасте. Пора отрочества, становления характера, совпала с великим и тягчайшим испытанием для его большой Родины. В разгаре — Великая Отечественная, раскаленное дыхание войны явственно ощущается и здесь, в маленьком киргизском айле. Жизненно ситуация эта волнует нас сегодня так же, как и тридцать с лишним лет назад. Литературно же она стала привычной, примелькалась. Как ее «звучать заставить заново»? И во имя чего?

Надо ли говорить, что не какие-то внешние обстоятельства, не дефицит тем и не счастьево попавший в руки «материал» становятся для зрелого писателя решающим побудительным мотивом, а нечто гораздо более важное — долг души, память сердца, чувство ответственности перед будущим, перед детьми своими, перед собственной совестью. Не случайно, наверное, «Ранние журавли» посвя-

щены «сыну Аскару». Не случайна и череда эпитафий — от народной песни до памятников древнеиндийской литературы...

Героев своих, мальчиков трудных военных лет, Айтматов видит и взглядом их ровесника, пережившего вместе с ними все описанное, и взором умудренного жизнью, своим призыванием человека, который «сквозь магический кристалл» прозы всматривается в дела давно минувших дней.

Исчезает «дистанция возраста», возникает дистанция мудрости, позволяющая все понять и во все проникнуть, поэтизирующая каждую деталь, каждую подробность, — часто драматическую, порой трагическую, — того времени, той жизни... Горести, радости, первые любовные перипетии и первый, на грани гибели, подвиг пятнадцатилетнего мальчишки становятся близки и важны нам, становятся частью нашего собственного духовного опыта.

Сущий ребенок и уже Мужчина с большой буквы — волей, характером, силой... Где проходит грань между ними, как ее провести? Да и возможно ли?

Возвратившись своей повестью ко временам нашего военного детства, когда ровесники Султанмурата, его, писателя, ровесники, в тылу вставали вровень с героями войны, Айтматов отдал сердечную дань неброскому подвигу людей своего поколения, ныне составляющих — и по возрасту, и по опыту жизненному — сердцевину народа.

А теперь обратимся к одному из эпитафий повести, к строкам из древнеиндийского памятника «Тхерагатха»:

С надеждой люди пахут поле,
С надеждой люди семена сеют,
С надеждой люди входят в море...

Как бы подводя итог одному повествованию, строки эти перебрасывают мост к следующему — о Пегом псе, бегущем краем моря.

Эта, последняя из опубликованных Айтматовым вещей, многозначна по смыслу. Многозначность заложена уже в самом жанре ее, этом своеобразном, причудливом сплаве сказания, мифа с повестью, с новеллой.

Но «Пегий пес» не был бы достоин предшествующих ему произведений, если бы трагическая быль, случившаяся с людьми, жившими на грани двух стихий — суши и моря, послужила писателю чем-то вроде пялец для вышивания сказочных узоров. Он силен и значителен своим в высшей степени современным подтекстом — этот рассказ, который, по обыкновению у Айтматова, начинается мирно и неторопливо: старый нивх и два взрослых охотника отправляются на виду у всего селения в путь на каяке, дабы приобщить подрастающего Кирирка к его будущему мужскому долгу, к знаниям и умениям, накопленным предшествующими поколениями, дать ему познакомиться с морем, «чтобы море знало его и чтобы он уважал море». Да, начинается все мирно и неторопливо. Завершается же, когда Великий туман лишает спутников всякой надежды на спасение, — трагически и в то же время оптимистично.

Приходилось читать рецензию, в которой вся повесть

в целом трактуется как успешная попытка познать, проникнуться поэтическими, бытовыми, религиозными представлениями нивхов — маленького северного народа, сохранившего во всей нетронутости свои языческие верования, органически вытекающий из них образ жизни. Нивхи уверены в том, что земля произошла от sneзда утки Лувр, не сомневаются в том, что род их ведется от союза таинственной женщины-рыбы и хромоногого юноши-нивха, жившего в незапамятные времена у сопки Пегого пса; что со смертью «они не вовсе уходят из жизни», а лишь переходят из одного мира в другой. И потому «подвиг для них не подвиг даже: завораживает естественность, непринужденность их подвига, глубина их веры...»

Однако, если продолжать в том же духе, подвиг самопожертвования нетрудно будет представить даже эгоистическим шагом. Представьте себе: трое взрослых мужчин, уверенных, что там, за бортом лодки, отделенная лишь несколькими минутами неприятного купания в ледяной воде, ждет их иная, но — жизнь, входят один за другим навстречу ей, бросая на произвол судьбы мальчика, которому и невдомек, что, помимо нынешнего его существования, имеется какое-то иное...

Но нет, нивхи умирают не с благостными улыбочками на устах и не со взорами, обращенными в неведомую, но обязательно существующую жизнь, что ждет их совсем неподалеку — только заставь себя шагнуть с борта лодки в воду... Каждый из них по-своему, самостоятельно принимает роко-

вое решение — дед, отец и дядя мальчика, и каждый принимает его в муках.

— Положди, подумай немного, — шепчет старику Орго-ну Эмрайну, отец Кирирка, шепчет, чтобы не услышал их страшный разговор мальчик.

— Пора. Я свое пожил... Не удерживай. Сил нет, не вынесу... Вы еще подержитесь, там еще есть немного воды...

Еще труднее, еще отчаяннее уход дяди мальчика — Мылгуна:

— Ты не говори мне, Эмрайн, ничего, уже поздно! — бормотал Мылгун, как безумный. — Я сам иду. А вы отец с сыном, вы сами решайте... А ты сразу гони прочь... Если приблизишься, опрокину... Слышишь, опрокину...

Во всем этом и намек на нет на некое эпическое спокойствие, на благостность и отрешенность... Жертвуют собой — в муках, в силе и бессилии — покидают лодку, чтобы оставить другим лишний глоток воды, не мифологические персонажи, не боги и полубоги, на подвиги в страдания которых мы с вами привыкли взирать с завидным философским спокойствием. Погибают, совершая подвиг, живые люди, люди во плоти, которых мы уже успели узнать и полюбить во время их неторопливого и безмятежного до поры плаванья, те, кому расставаться с жизнью так же страшно и нечеловечески тяжело, как было бы каждому из нас — мы это чувствуем уже не одним только разумом, а всем своим существом.

Идеалист, витающий над реальностью, видит в подвиге только красоту его. Цинику в

подвиге мнятся только ужас и бессмыслица.

Айтматов своей повестью показал и тяжесть, и красоту подвига, его высшую целесообразность... Ведь как раз те несколько ничтожных глотков воды, отнятых каждым из погибших у себя и отданных Кириску, и сохранили ему, единственному, жизнь. И старшие отдали ему не только воду... С мальчиком остался их опыт, их мудрость...

Обратившись к подвигу трех нивхов, совершенному во имя будущего, во имя маленького, но мужественного и смекалистого Кирирка, советский писатель Чингиз Айтматов искал способ, как можно сильнее и больнее поразить воображение современников, примером подвига воззвать к благородству, заставить осознать всю ту ответственность за завтрашний день, за детей наших, которая лежит на старших, на тех, за кем сегодня решающее слово, — идет ли речь о судьбе одного ребенка или всей планеты...

Тема ответственности старших за судьбы будущих поколений, — поистине неисчерпаемая тема, — лежит и в основе повести «Белый пароход», самого раннего из трех упомянутых мною произведений. Присуждение в минувшем году сделанному по повести фильму Государственной премии СССР свидетельствует о пристальном и заинтересованном внимании нашего общества к нравственно-этической проблематике в литературе и искусстве.

Проповедь добра, апелляция к высокому нравственному началу в человеке была и остается органическим мотивом социалистического гуманизма. Айтматов во всех своих произведениях проповедует именно добро, обращает нас, читателей, к мыслям, чувствам, проблемам, радостям и заботам, которыми живет вся Советская страна, вечным проблемам, над которыми всю свою историю бьется человечество...

Борис ПАНКИН.